

Александр Сергеевич Грибоедов, его жизнь и гибель

Сов. нск.
10.11.39

Его меланхолический характер, его озабоченный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно.

А. ПУШКИН

К 110-летию со дня смерти
ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Всадник в черном ехал по горному ущелью. Конь мчался резво, плащ развеивался по ветру, было хорошо. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Всадник переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дорожке. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил их ездок. — «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис. Пушкин снял картуз, лицо его омрачилось. Он любил этого человека. Как странно: перед отъездом в Персию Грибоедов говорил ему о зловещем предчувствии, и вот это предчувствие оправдалось. Фанатически настроенная толпа персов, мстя царским колонизаторам, разгромила посольство и перерезала всю миссию.

«Живой из Персии не вернусь», — упорно повторял Грибоедов. Император обещал его милостями, ему дали орден, деньги, высокое звание полномочного министра, но поэт был угрюм и зол, он не хотел ехать. «Все, чем я до сих пор занимался, — для меня дела посторонние», — писал Грибоедов другу своему Бегичеву. — «Голова моя полна, и я чувствую необходимость писать». Но писать поэту не давали: он должен был нести государственную службу, и его заставляли делать это против собственной воли.

Жить было невыносимо. Грибоедов писал отчаянные письма: «Люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, рассудок затемняется и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща». Но вместо этого высокого поприща поэту навязывали мундир, ненавистный мундир, «расшитый и красивый».

Кругом были чужие люди. Грибоедов презирал всей силой своей озабоченной души эту низкопробную светскую чернь, он говорил другу: «Вчера я обедал со всею сволочью здешних императоров. Не могу пожаловаться — отовсюду коленопреклонение и фимиам, но вместе с тем сытость от их дурачеств и сплетен, их мишурных талантов и мелких их душешек. Какой мир! Кем населен! И какая это дурацкая история!»

Грибоедов мечтал вырваться из этого «трясинаго государства». Но приходилось выполнять ненавистную службу; не хватало сил раз и навсегда бросить все и отдаться любимому делу.

А. С. Грибоедов родился в старинной барской семье. Дом Грибоедовых в Москве в начале XIX века считался одним из самых высокочтимых, он принадлежал к тому небольшому кругу, который составлял московский высший свет. Грибоедов мог с самого детства видеть вокруг себя героев своей будущей комедии, ему с пеленок проповедывалась мораль Фамусова и Молчалина. Всесильный дипломат Алексей Федорович Грибоедов ревностно внушал чинопочитание и низкопоклонство, а дальний родственник екатерининский вельможа Новосильцев был в семье таким же идеалом, каким являлся для Фамусова покойный дядя Максим Петрович.

Чудом мальчик уберег себя от тлетворного влияния всех этих людей. Ум и способности юности были поистине феноменальны: тринадцати лет от роду он поступил в Московский университет, «знавший уже совершенно французский, немецкий и английский языки и понимавший свободно в оригинале всех латинских поэтов; в дополнение к этому он имел необыкновенную способность к музыке, играл отлично на фортепиано и, если бы посвятил себя только этому искусству, то, конечно, сделался бы первоклассным артистом» (С. Бегичев).

В то время когда вся русская литература рабски копировала Корнелия и Расина, Грибоедов очень ясно видел всю эстетичность французских классических правил, мешавших свободному и полному развитию художественного творчества. Юный студент в своих взглядах был настолько решительным, что не побоялся написать злую пародию «Дмитрий Дрянской», высмеивая насквозь фальшивую трескучую трагедию Озерова «Дмитрий Донской», написанную по ложному образцу французских произведений. Сам он зачитывался «Фаустом» Гете и знал многое наизусть из Шекспира, Шиллера и Байрона. Любимым комедиографом был веселый и злой Жан-Батист Поклен. Именно на этой почве зрел талант реалиста и сатирика, смутно представлявшего уже себе ситуации и характеры будущего «Горя от ума».

Но Александр Грибоедов не был ученым книжником и педантом. Как всякий человек крупного дарования, он не мог стоять поодаль от общественной жизни своего времени. Страна переживала величайшие годы отечественной войны. Был 1812 год. Грибоедов прямо со студенческой скамьи пошел добровольцем в гусарский полк. Но французы повсюду уже отступали, и молодому человеку не удалось показать своей удалости. Зато Грибоедов многое узнал о войне, о тех людях, которые с дреколем в руках уничтожали могущественные полки Наполеона, с тем чтобы, вернувшись к себе в деревню, снова ощутить у себя на спине «мясность» снесенных ими помещиков. Юный поэт задумал написать трагедию на необыкновенную тему. Его героем должен был стать крепостной мужик, совершивший героические подвиги на полях сражений. Ничтожные военачальники его упорно не замечали и отпустили домой «с отеческим» наставлением к «покорности и воздержанию». Драма кончается тем, что герой, вернувшись после войны к своему помещику, не выдерживает позора телесных наказаний и вешается. Трагедия о 1812 году написана Грибоедовым не была, остался только предварительный план к ней, но уже и по этому плану видно, насколько остро художник умел вглядываться в жизнь, насколько хорошо ему удавалось отыскивать типические обстоятельства, находить главные общественные конфликты и открыто, резко выражать свои симпатии и антипатии.

За время пребывания в полку Грибоедов сблизился с кн. Шаховским, известным театроманом, тот его пристрастил к театру. И Грибоедов стал шутя пописывать для молодых актрис бойкие водевили на французский лад. Написал он вместе с Шаховским и Хмельницким веселую комедию «Своя семья», перевел с Жандром «Притворную неверность», одним словом, в короткое время он стал «почетный гражданин кулис» и настолько увлекся своей новой ролью, что даже дрался на дуэли из-за Истомина.

Но веселая петербургская жизнь скоро кончилась. Не успел Грибоедов определиться чиновником министерства иностран-

ных дел, как его отправили в дипломатическую миссию на Кавказ. Начались дни тоскливого одиночества. Он писал из Тифлиса другу своему Кюхельбекеру: «Теперь в поэтических своих занятиях доверяюсь одним стенам. Им кое-что читаю изредка свое или чужое, а людям ничего: никому». Грибоедов дописывал «Горе от ума». Была осень 1822 года, его окружали «избалованные дети тучности и пищеварения», а он уходил в мир своих героев, запираясь у себя в комнате и целыми ночами напролет писал. Поэт вверял свои мысли и чувства юному Александру Андреевичу Чацкому, тому новому еще для русского общества человеку, подчинившему в себе эгоистические побуждения идеалам гражданственности и свободомыслия. Десятки живых людей стояли перед Грибоедовым, когда он создавал своего героя, и чаще, чем о других друзьях, он может быть, творя, вспоминать вдохновенного бунтаря Кюхельбекера и мудрого скептика Чаадаева.

Слишком много злобы накопилось в душе, надо было все это выплеснуть, нельзя было жить с окружающими, не уничтожая их, не нанося им смертельных ран. И Грибоедов разил в самое сердце своим ядовитым пером этот ненавистный ему мир: вельмож, «грабительством богатых, арапчицких гвардионцев, задающих в обществе тон, низкопоклонников и льстецов с их девизом «умеренность и аккуратность»; безмозглых краснобаев, мошенников и шулеров, ютящихся под сенью высоких покровителей». — весь этот сброд, всю эту отвратительную светскую чернь!

Сегодня еще поэт читал комедию стенам своей одинокой комнаты, а завтра уж дерзкие стихи гремели по всей России. Успех «Горя от ума» был совершенно необычен. О напечатании комедии не могло быть и речи. Только через три года появились небольшие отрывки в журнале «Русская Талия», но вся молодая Россия зачитывалась гениальным творением Грибоедова.

«Ныне нет ни одного малого города, — писал современник, — нет дома, где любил словесность, где бы не было списка сей комедии». На читателей она произвела огромное впечатление. Когда А. Бестужев попал в руки отрывки из «Горя от ума», он, прочтя их, был потрясен: «Я проглотил эти отрывки, я трижды перечитал их. Вольность русского языка, пронзительное остроумие, оригинальность характера и это благородное негодование ко всему низкому, эта гордая смелость в лице Чацкого — проникла в меня до глубины души».

А светские шаркуны сочиняли на комедию низлеледующие куплеты:

Не говори, что дважды два четыре,
Я «Горе от ума» тебе при сем пришло,
Четыре акта в нем и ровно все четыре
Равны не дважды двум, а одному нулю.
Интерес к комедии был всеобщим. «Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет», — писал Грибоедов.

Естественно, что многим хотелось видеть «Горе от ума» на сцене, но пробраться через цензорские рогатки было немислимо.

Грибоедов еще сильнее озлился, бросил столицу и уехал в Крым. Но и тут его дожимали те самые люди, от которых он спасался, покидая Петербург, и раздосадованный поэт писал: «Фу, злодейство! Да, мне не весело, скучно, отвратительно, несносно... Чудесно всю жизнь свою прокатиться на четырех колесах, кровь волнуется, высокие мысли бродят и мчат за обыкновенные пределы нелепых опытов...»

В том же мрачном состоянии духа Грибоедов приехал на Кавказ. Шли бои с чеченцами. Чтобы как-нибудь заглушить тоску, поэт отправлялся на линию огня и бесстрашно разежал под пулями. В эти же дни он писал отчаянные письма другу: «Мне так скучно, так грустно, — писал он, — скажи мне что-нибудь в отраду: я с некоторых пор мрачен до крайности, пора умереть. Сделай одолжение, полай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди».

Спасение было в одном творчестве, но и творить можно было только в уединении. Только в уединении, скрывшись от арапчицких шпионов, можно было читать такие стихи:

О люди! Кто назвал людьми исчажье
Зла,
Которых от кровей утробных
Судьба на то произвела,
Чтоб были гибелью, бичом себе
Подобных!

Это отрофа из недописанной предсмертной трагедии Грибоедова. В ней женщина из народа клеймит князей, ее устами говорит сам поэт, проклинающий властителей... Печатать трагедию было невозможно. Поэт все, что писал, прятал в ящик стола. Дни тянулись тоскливо и однообразно. Но вдруг все изменилось: из Петербурга прискакал фельдшер с сообщением о необычайном событии, совершившемся на Сенатской площади четырнадцатого декабря. Грибоедов сжал кулаки, улыбнулся и пробормотал: «Вот теперь в Петербурге идет кутерьма. Чем-то кончится». Через несколько месяцев автору «Горя от ума» было сказано: «Александр Сергеевич, воля государя императора, чтобы вас арестовать».

Арестанта посадили в полицейскую карету и повезли через всю Россию на допрос в генеральный штаб. В следственной комиссии по делу декабристов Грибоедов написал: «В заговоре я не участвовал, но заговорщиков всех знал и умысел мне их был известен...». Тогда стоявший рядом с ним доброжелатель схватил его за руку и шепнул: «Что вы пишете! Пишите — знать не знаю, ведать не ведаю». Грибоедов послушался. Через несколько месяцев, в результате усиленных хлопот влиятельных лиц, поэта выпустили на свободу. Грибоедов избежал ссылки. Официально его признали не причастным к декабрьскому движению. Но разумом и сердцем своим он во многом был с ними. Герой поэта громко, со всем пылом своей души провозглашает идеалы гражданственности и патриотизма, его разум пылал и воинственен, и потому с такой силой Чацкий обрушивается на подлый мир сужаательства и лицемерия. Миллион терзаний у него в сердце, но когда герой покидает фамусовский дом, он уходит победителем. Победу ему принесла история.

Трагедия о личности, посмеявшейся свободно и честно думать, звучит в наши дни торжественным гимном правдивому и дерзкому уму.

Свободный народ освободил человеческую мысль от терзаний и гнета, и теперь к творению Грибоедова, озаглавленному словами «Горе уму!», можно поставить эпиграфом пушкинский стих:

Да здравствует разум!

Г. БОЯДЖИЕВ